

**ШКОЛА
МЫРЯЛЬЩИКОВ**

Дмитрий ЕМЕЦ

СЕДЛО ДЛЯ ДРАКОНА

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Иллюстрация на обложке *Виктории Тимофеевой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Седло для дракона / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2017. — 384 с. — (Школа ныряльщиков (ШНыр, новый суперпроект Д. Емца).

ISBN 978-5-699-95482-7

Много лет назад Митяй Желтоглазый, один из первых ныряльщиков, нашел в другом мире — двушке — необычный самородок и выковал из него фигурку. Эта фигурка помогает ее обладателю приручить дракона. Драконы более маневренны, чем пегги, они быстрее, сильнее, и нырять с ними на двушку гораздо легче. Однако провести их в наш мир невозможно, а значит, и фигурка совершенно бесполезна. До поры до времени...

В наши дни опытная, но отчаянная Наста попыталась принести с нырка нечто особенное, не просто живую закладку, а яйцо. И судя по его размеру, из него мог вылупиться кто-то крупный. Шныры не знают кто, а вот кое-кто из ведьмарей знает. И теперь будет охотиться за редкой находкой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95482-7

© Емец Д. А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

— Человек — это прочитанные книги, ищущее беспокойство духа, сила привычек и немного генетики. И больше, по сути, ничего.

— Но ведь еще много зависит от того, какие книги читать! И когда! И с какой целью!

— Это — да. Но по большому счету все это само выправляется.

Кавалерия

Так вот, господа молодые офицеры. Я давно заметил, что люди сделаны из различных материалов. Существует глино-обыкновенный, и существуют глино-огнеупорные, есть железобетон — очень распространенный материал. Попадают керамические изделия, есть люди, крытые черепицей, существуют конструкции из готовых блоков. Вот Лева — он крыт соломой. А вы, Лёлочка, по-моему, сделаны из заменителей. Я имею в виду самую качественную синтетику. А вот наш друг Володя — он выполнен из современных материалов. Он антимагнитен, морозоустойчив, водонепроницаем, антикоррозионен. Это тугоплавкий металл. Его можно запустить в космос, и он не сгорит в плотных слоях атмосферы. Вот почему я за него спокоен.

Фильм «Июльский дождь»

Глава первая

ДВА САМОРОДКА

В нормальных условиях мы представляем себе исправными, даже благородными, но чуть какой перегруз, или сбой, или что не по-нашему — сразу грязь жуткая переть начинается. Рвем друг друга в клочья, выкрикиваем что-то бессвязное, кусаемся, деремся, вспоминаем обиды. Значит, эта грязь и в нормальном состоянии есть — просто прячется.

Хочешь узнать, какой ты, — понаблюдай за собой в минуты усталости.

Кавалерия

Стоит по колено в воде юный Мокша. Поит пегов. Он любит смотреть, как они пьют, как фыркают, как после поднимают головы, как срываются с морд тяжелые капли. Разбегаются от капель круги, уносит их быстрым течением. Пегов три: Ширяй, Стрела и Птенчик. Ширяй пьет долго, вдумчиво, с ощущением важности того, что делает. Мощный жеребец, почтенный, уверенный в себе. Он и в реку вошел глубже других — почти по грудь. Бока его, принимая воду, раздуваются, как кузнечные меха.

Стрела переступает с ноги на ногу, то и дело оглядывается, воды же касается самыми кончиками губ, точно целует. Она беспокоится за Птенчика, своего жеребенка. Птенчик смешной, хвостик у него куцый. Не бежит, а прыгает, точно на пружинках. Заскочит в воду, испугается — и сра-

Дмитрий Емец

зу назад. Под попоной торчком стоят маленькие крыльшки. Мокша часто думает, что надо было назвать его Кузнечиком, да вот поспешили.

На песке, вытянув ноги, сидит Митяй Желтоглазый. Смотрит на суету на противоположном берегу. Много там людей — чисто как муравьи мельтешат. Топорами стучат, пилят, леса ставят, костры палят. Тянутся вдоль берега груженные подводы. Суета, крики. Оно и понятно: кремлевскую стену до неба возвести — не кабак построить. Тут десятком каменщиков не отделаешься. Важное это дело, княжеское.

Наискось впадает в Москву-реку веселая речка Неглинная. В треугольнике на высоком мысу — Кремль. Не так давно, всего лет триста тому, были здесь только ров, песчаный вал и деревянные стены. Подтирали их крюковые жерди. Убери подпорки — и завалятся стены, поползут от дождей бревна по крутому склону. Каждые двадцать-тридцать лет, как по расписанию, — пожар. Дотла выгорает город, выгорают деревянные стены. Где завалятся, а где стоят почерневшими головешками, ждут лишь толчка, чтобы осыпаться. Опять их возводят, расширяют, прирезают к Москве новые и новые куски. Как птица Феникс возникает из пепла обновленный город.

Много леса вокруг, есть из чего строить, да только сколько можно — горит и горит. От лучинки, от уголька, от опрокинутой лампы, от неприятельской запаленной стрелы. Уж и из метрового дуба пробовали стены возводить, и насыпи делали — все едино. Надоело это московским князьям. При Дмитрии Донском потянулись из

Ведро для дракона

Мячково, из Дорогомилото подводы с камнем. Легко режется известняк, сноровисто работают мастера. И года не прошло — взлетели к небу сероватые стены. Как зальет их солнцем — вовсе белыми кажутся.

Митяй с Мокшей еще помнят Кремль тем прежним белокаменным красавцем — девять башен, деревянные кровли на стенах. Но вот теперь, уж год или два тому, началось новое большое строительство. Со всей Руси собрал князь Иван III мастеров. Красив известняк, да ломок. Не устоять ему против пушек. Заменяют его кирпичной кладкой, подводят насыпи, возводят прочные высокие башни.

— Ты сегодня ныряешь? — спрашивает Мокша.

Митяй кивает. Ложится на спину, смотрит в небо. Вокруг лесистые, зверьем кишацие холмы. Медведей — тех поменьше стало. Оттеснили их люди. Отошли они в глушь немислимую — в Сокольники, в Раменки, в Сушево, затаились в тамошних чащобах, а вот пушных зверей, птиц, бобров — тех до сих пор море. Волки тоже озоруют. Редкий день не режут крестьянский скот.

— Я с тобой нырну, хорошо? — искательно спрашивает Мокша.

Из высокой травы кивнуть нельзя, а Митяю не хочется отвечать словами. Поэтому он поднимает ногу и утвердительно сгибает ее в колене. Мокша смеется. Вот так Митяй! Ногой кивнул! Он счастлив, он любит нырять с Митяем. Тот знает двушкучку как свои пять пальцев, а закладки — те просто нутром чует. Порой ему даже копать не приходится. Наклонится, поднимет обычный

Дмитрий Емец

с виду камень, перевернет — а внутри плещет синевой цветок, горит сдвоенная ягода или золотится тонкий, с нитяной ножкой гриб.

— Как ты нашел?! — восклицает пораженный Мокша.

— Не знаю. Словно окликнул меня кто... Но сейчас мы не его ищем. Пусть подождет!

И Митяй заботливо возвращает камень на место, не забывая перевернуть его так, как тот лежал прежде.

Обычно нырлящик выматывается на двушке за несколько часов, а Митяй порой там даже ночует, правда, зарываясь в листья или хвою, потому что и он все же человек. И болеет, и страдает как и все. Больше всего досаждают ему рана — лисий укус.

Лису раскопал в норе и подкинул в избу Кика Златовласый, неумные ручки которого точно для того привешены к телу, чтобы доставлять всем беспокойство. Порой Мокша прикидывает, как бы ло бы хорошо, если бы Кика родился вовсе без ручек. Какой бы он тогда был хорошенький, с кукольным личиком, как бы все его жалели! А то и кудри пшеничные, и румянец на всю щеку, и улыбка белее снега — а так и тянет размахнуться и двинуть его со всей мочи. Со своей золотой пчелой Кика обращается ужасно. То в пироге ее запечет, то в угли закопает, а то наберет невесть где шершней, тарантулов — даже египетского скорпиона как-то выменял у заморских купцов на стрелецкую серьгу — и устроит в лукошке смертельный бой. Все интересно ему: существует ли на свете насекомое, которое одолеет его пчелу. Да вот только

Ведро для дракона

пчела у Кики не ему чета, драк не любит. Минуту-другую потерпит уколы скорпионова жала, а после развернется, лениво проползет насквозь стенку лукошка — и была такова.

С укусом же вышло так. Перепуганная лиса забилась за печь, а когда Митяй попытался ее вытащить — выхватила у него из голени кусок мяса. Хорошо так выхватила, с палец. Уж полгода прошло, а рана все никак не заживет. Не ступишь, не коснешься. Два раза Мокша слышал ночью, как Митяй стонет. Голень у наездника — место для укуса самое скверное. Как стиснешь ногами бока пегга, когда на внутренней части голени открытая рана? Конечно, Митяй все равно ныряет, обмотав рану тряпичей, — да чего ему это стоит?

Хотя из-за этой раны, если вспомнить, и была принесена первая закладка. Мокша с его цепкой и жадной памятью до последнего слова запомнил рассказ Митяя:

— Привязал я Ширяя у гряды. Потацился вдоль скал. Нога болит так, что прямо хоть ножом ее режь и в кусты бросай. В болоте о путлица растер. Вдруг вижу: трещинки на скале в одно место сбегались и по центру там подтек глины. Подошел я, поскреб лопатой — ничего. А как стал рукой щупать — полыхнуло чего-то ярко. Я чуть не ослеп. Вижу: алый виноградный лист, но не целый, а обрывок, а на нем — маленькая синяя улитка. Я в них так и вцепился. Отколол, держу в руке, а сияние всю ладонь охватило. Кожа алеет, по жилкам синие ручейки бегут... И понимаю я — не словами, а так как-то, — что рана моя сейчас затянется. Сил прямо с каждым мгновением при-

Дмитрий Емец

бавляется. Чувствую: еще чуток — и смогу по отвесной скале вверх взбежать.

— И что? Взбежал? Прошла рана?

— Нет, — грустно качает головой Митяй. — Сам видишь: до сих пор хромаю. Разжал я руку.

— Почему?! Зачем?! — чуть не кричит от обиды Мокша.

— Старика одного ясно так увидел. Прямо перед глазами вырос. Ты его знаешь: у Чудова монастыря милостыню просит. Ноги у него кругом в язвах. К крымчакам, говорит, в плен попал. Те продать хотели, да видят — хил больно. Не дадут цены, один прокорм дороже станет. Заставили его по углям пробежать, хлестанули нагайкой да и прогнали в степь. Думали, околеет, а он на карачках к своим приполз. Неделью полз.

— Пряма так и неделю? Врет он все, — хмыкает Мокша. — Нищие вечно врут. Один тут тоже хвалился, что воин, в бою изранен, а после оказалось, что его брат родной косой поперек лица посек. Не поделили чего-то.

Митяй не слушает:

— И понял я, что лист с улиткой надо этому старику отдать. Что для него он, а не для меня. И еще понял: что если себе возьму, не пустит меня больше заветный мир. Не смогу я больше сюда нырять: ни на Ширяе, ни на ком другом.

— И так и отдал?! Старику?! — охает Мокша.

Митяй смеется:

— Так и отдал. А перед тем в лопух завернул и в сумку поскорее сунул. И всю дорогу боялся к сумке прикоснуться, потому как очень уж хотелось у себя оставить. Не верил я себе.

Бедно для дракона

Мокша потом нарочно ходил к Чудову монастырю глядеть того нищего. Старик, как и прежде, попрошайничал. Сделал себе костылики, язвы из давленных ягод навел — еще жальче вышло. Купчих прям слеза прошибала. Да только прочие нищие завистливо шептались, что бегают он теперь быстрее зайца. Затеяли тут двое его побить и кружку отнять: через плетень с ходу сиганул, даже ногой не задел. А плетень-то в рост человеческий!

Пеги наконец напилась. Стоят пофыркивают, ждут. Птенчик уже пристроился сосать мать. Та сердито толкает его мордой. Нюхает. Он ухитрился вывалиться в траве, где кто-то чистил рыбу, и рыбный запах Стреле не нравится.

— Пора нам! Идем, что ли? — говорит Митяй.

— Идем! — Мокша тянет Стрелу за повод.

Стрела — его кобыла, только его, и большие ничья. Он один на ней ныряет, хоть кое-кто и недоволен, что он забрал ее себе. Уж больно хороша и на крыло легка. По воздуху скользит — как по воде рисует. Ради нее он и Чалой изменил — уступил ее Сергиусу Немову. Фаддей Ногата втайне завидует, а Мещеря Губастый однажды раскричался, за грудки стал хватать. Хорошо, Гулк Ражий вступился. Гулк — мрачный, бесстрашный, один из лучших кулачников на Москве. Кулак как дыня. Сожмет — и то уже страшно, а как ударит — говорят, кирпич из печи может вышибить.

Птенчик еще не летает. Приходится вести лошадей в поводу. Митяй и Мокша жалеют, что не удалось попасть лошадей перед нырком. На правом берегу Москвы-реки — заливные болоти-

Дмитрий Емец

стые луга. Хорошее место, травы сочные, вкусные, да только с разбором надо — того и гляди провалится пег по брюхо в грязь, изрежется осокой. Четыре века спустя здесь раскинется купеческое Замоскворечье, а пока что — травы, ручьи и множество птиц, вспархивающих, когда ведешь коня по лугу.

Митяй идет медленно. Прихрамывает из-за своей ноги. Ему бы на Ширяя забраться, но Мокша не садится, чтобы не утомлять Стрелу и дать ей побыть с жеребенком, и Митяй тоже не садится. Он не может так, чтобы в чем-то ему лучше было. Его совесть станет грызть, а он так не любит. Она у него грызучая, совесть.

Наконец добираются. Это еще, конечно, не тот ШНыр, что возникнет под Копытово. Копытово и вовсе еще не существует. На его месте — луга, леса и речушка, которая потом оскудеет в ручей. Да и главной охранной закладки пока тоже нет. И нерней. И фигурок. И ведьмарей. А раз так, то и жить можно где угодно — лишь выбери место поспокойнее, чтоб крылатых лошадей от любопытных глаз укрыть.

Между двумя небольшими холмами, один из которых при строительстве кремлевских стен был глиняным отвалом, раскинулся большой пустырь. Из жителей Москвы и окрестных сел строиться на нем никто не пожелал, огородов тоже не заводили. Камни и глина — тут и репа не вырастет. А раз так, то никто здесь и не бывал. Разве иной раз забредет чья-нибудь отвязавшаяся коровенка. Потопчется, подумает, брякнет колокольцем и повернет назад.

Бедло для дракона

Сейчас на пустыре, прижавшись к дальнему холму, стоят два больших сруба, соединенных перемычкой, вроде крытого зимнего хода. Каждый сруб клетей из трех, да еще с прирубом. Построено прочно, с заботой. Бревна первого сруба положены «в обло», с остатком, второго же — «в лапу», точно несколько хороших плотников соревновались между собой в мастерстве. Фундамента нет, но нижние венцы срублены из кондовой сосны и лиственницы. Такая полвека подгнивать будет — не подгниет. Под углы срубов подведены валуны, вдоль стен — стулья из обрезков толстых бревен. Тут же рядом — пегасня. Тоже крепко стоит, на века. Пегасню и срубы окружает общий частокол. Здесь и колодезь, и пес-великан цепью звякает. Лает глухо, с раскатом — точно из пушки бьет. Крепость не крепость, да только при случае и отсидеться можно. Все новое, свежее, недавно отстроенное.

Года полтора назад, весной, случайно нашел это место Фаддей Ногата. Постоял, позыркал. Почесал грудь, почесал живот. Внешность у Фаддея такая, что раз увидишь — навек запомнишь. Волос на лице редкий, чуть с рыжинкой, но необычайно толстый. Он как-то равномерно опушает все лицо до самых глаз, но все равно непонятно, борода это или нет. Обычно такой порослью бывает покрыта спина у старых турок. Глаза были несколько навывкате: наглые, умные, как у судебного чиновника. Взглянет на секунду, миг все оценит — и сразу же взгляд свой страшный отведет и в землю воткнет, чтобы не выдать себя. Ноги кривые. Ходит вперевалку. Говорит басом. Одет в какие-то живописные лохмотья. Кика Златовла-

